

В Е Р А
Калачкава

Выбери
меня

Вера Александровна Колочкова

Выбери меня

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41987581

Выбери меня: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-100368-5

Аннотация

Кто знает, где больше счастья – когда ты любишь или когда любят тебя? Своего первого мужчину Варя любила до самозабвения, но он решил с ней расстаться. Второй полюбил ее так, что пылинки с нее сдувал, но она была к нему холодна. И вот наконец судьба подарила ей любовь взаимную, правда, увы, с женатым мужчиной. Как быть – отказаться от счастья или начать жизнь с чистого листа, не думая о чувствах других людей? А есть ли у нее право ломать чужие судьбы?

Вера Колочкова

Выбери меня

© Колочкова В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

«Скорый поезд Воркута – Сочи прибывает на третий путь... Стоянка поезда двадцать минут...»

Голос диктора был сонным и недовольным, будто поезд Воркута – Сочи вовсе и не должен был прибыть на вокзал точно по расписанию, а свалился ниоткуда, заставив диктора вынырнуть из дремотного расслабленного состояния.

«Наверное, хорошо им там, в поезде... – вяло подумала Варя, рассматривая некрасиво сломавшийся ноготь на большом пальце. – Едут себе из холодной Воркуты в теплый Сочи, с наслаждением предвкушают... И правда, вот бы оказаться в том поезде, в купе на нижней полке! Хотя можно и на верхней, какая разница... Проснуться от толчка вагона, который остановился, услышать далекий сонный голос диктора... И догадаться из своего сладкого спросонья – ага, вон в какой город прибыли... Большой город... Глянуть бы на него в окно, да неохота...»

Интересно, когда же она успела сломать ноготь? Навер-

ное, когда вещи собирала, уходя от Максима. И не заметила, не до того было. Если б тогда землетрясение случилось или другой какой катаклизм, она бы тоже не заметила, наверное. Так все быстро и жестко произошло! Можно сказать, судьба сломалась, вся ее жизнь – разбилась вдребезги! А тут какой-то ноготь – подумаешь...

Варе никогда не приходилось проводить ночь на вокзале потому, что некуда больше идти. Бывало, слышала от других о таких вынужденных ночевках и вздыхала жалобно – бедные, мол, бедные... Но чтобы себя соотнести с этими «бедными» – такое и в голову не приходило. Но разве кому-нибудь приходит в голову что-то подобное, когда в жизни все хорошо, когда есть теплый дом и гарантированный бутерброд с маслом к завтраку? Когда живешь себе и живешь и не задумываешься ни о чем...

Выходит, надо было задуматься. Надо было предполагать, пугаться, искать запасные варианты. Но опять же – кто это задумывается о вариантах, когда жизнь течет счастливо и беззаботно, обещая впереди еще больше счастья?

Но теперь-то, теперь... Зачем об этом думать? Только себя убивать. А она, Варя, и без того убита. Причем убита дважды за день. Если предательство можно считать убийством, конечно. Неожданное предательство, будто нож в спину.

Краем глаза она увидела, как по проходу медленно бредут двое мужчин в форме, и вжалась испуганно в сиденье, сунув руки в карманы ветровки. И в самом деле, а если к ней по-

дойдут, попросят билет показать? Что она им станет объяснять, если никакого билета нет и в помине? Что ей ночевать негде? Ну да, ага... Они только этого ответа и ждут, чтобы попросить ее пройти на выход... Интересно, какой умник придумал это правило? А если, допустим, человеку и в самом деле ночевать негде? Хотя бы одну ночь – почему нельзя-то? Одну-единственную ночь, может, самую отчаянную в жизни...

Наверное, нельзя делать вид, что она боится. Наверное, надо сесть прямо, расслабить лицо и изобразить на нем безмятежность. Или хотя бы накинуть на него тень обреченности и усталости от долгого ожидания. Да, пожалуй, что так... Наверное, обреченность выглядит достоверней безмятежности. Пусть полицейские думают, что она транзитная пассажирка, волею судеб застрявшая на вокзале.

Наверное, все-таки Варя переиграла – то ли с обреченностью, то ли с безмятежностью. Не сориентировалась в промежуточных оттенках. Потому что один из полицейских прямоком направился к ней с явной готовностью задать свой sacramентальный вопрос...

– У вас есть билет, девушка?

– Нет... У меня нет билета.

– Но без билета находиться на вокзале в ночное время не положено... Ничего не поделаешь, такие правила...

– Да, я знаю. Я сейчас уйду, извините.

– А вам что, ночевать негде? Можем проводить вас до

привокзальной гостиницы, хотите?

– Нет, не надо в гостиницу. Все равно у меня денег нет.

– Как же так, девушка? Может, и документов у вас никаких нет?

– И документов нет. То есть они есть в принципе... Но с собой нет.

– А прописаны вы где?

– У меня все в порядке с пропиской, правда. Извините, я пойду...

– Куда вы пойдете?

– Домой пойду... По месту прописки.

– Точно?

– Да. Точно. Если нельзя ночевать на вокзале, я уйду.

Варя торопливо поднялась с места, и на лице полицейского отобразилось нечто вроде удивленного смятения – не ожидал такой быстрой реакции, наверное. Ожидал, что она будет канючить, плакать, просить. А чего просить-то? Нельзя так нельзя... Можно и уйти, по улицам побродить остаток ночи. Ей уж теперь все равно, куда свою душеньку неприкаянную приспособить...

– Господин полицейский... Или как вас там... Товарищ милиционер... Что ж вы молодую девушку в ночь прогоняете, так же нельзя! – услышала Варя за спиной возмущенный мужской голос и обернулась, движимая автоматическим любопытством – кто это, интересно, вдруг решил за нее заступиться?

Защитником оказался деревенского вида дядька, плотный, краснощекий, с розоватой блестящей лысиной. Добрый дядька, наверное. Надо бы подойти, спасибо сказать... Да ладно, обойдется. Она же не просила заступничества, вот и не надо... Ей теперь вообще ничего не надо. Ей теперь все равно. А пропадать и без лишнего заступничества можно. Так даже лучше. Чтобы вообще – ничего...

– Нет, что же это такое, гражданин... Товарищ... Как вас там теперь называют, не знаю! Что же вы делаете, а? Как вам не стыдно? – продолжал возмущаться дядька. – Это же превышение полномочий, между прочим! Сейчас не те времена! Вон сейчас на каждом углу рапортуют, что не человек живет для государства, а государство старается для человека! Вам разве вокзальной скамьи жалко? Что от нее, убудет за ночь, от этой скамьи? А вы... Это же произвол настоящий...

– А у вас билет есть? – равнодушно перебил его полицейский.

– У меня-то есть! Есть, конечно! Но речь ведь не обо мне!

– Прошу вас предъявить билет...

– Да вот же, пожалуйста! Вот мой билет! Отправление поезда в шесть утра!

Варя не услышала, чем закончился диалог доброго дядьки и равнодушного полицейского, – толкнула тяжелую дверь, вышла на улицу.

Шел дождь, дул сильный ветер. По привокзальной площади бежали редкие пассажиры – кто-то спешил поскорее ныр-

нуть в теплый зал ожидания, кто-то бежал к стоянке такси, укрываясь от дождя под капюшонами и зонтами. У каждого была своя цель. А у Вари никакой цели не было. Оставалось только под дождь – и в ночь... У нее даже капюшона на куртке не было. И зонта тоже.

Она подняла воротник, сунула руки в карманы, поежилась. Да уж, если погулять по такой погоде часика три... Запросто можно схватить воспаление легких... А потом помереть под забором, да... И Ольга бы хоронила ее и плакала, плакала...

Варя содрогнулась, испугавшись, как далеко зашла в своих обиженных мыслях. Ольга ведь ей, по сути, ничем не обязана... И обвинять ее в чем-то – сущий инфантилизм, честное слово. Детская обидка. Ведь если не считать их ссоры, которая произошла вечером, больше и предъявить Ольге нечего.

Но все-таки хотелось бы знать, Ольга немного раскаялась после ссоры или нет? Она ж ей родная сестра, не чужой человек... Наверное, звонила кому-нибудь, узнавала, куда она напросилась с ночевкой... Может, и ей звонила. А только чего звонить – батарея на телефоне давно села... Еще тогда, когда она от Максима ушла. С чемоданом. Чемодан был тяжелый, а душа – пустая. И было очень страшно и больно. Даже дышать было страшно, будто пустота давила на ребра, пытаясь протечь сквозь них. И Варе казалось – а хорошо бы, чтоб она сдулась, как воздушный шарик, и совсем бы исчез-

ла... Все лучше, чем вот так, под холодным дождем...

– Эй, девушка, подождите! Ну куда вы идете, подождите...

Варя резко обернулась, облизнула мокрые от дождя губы. А может, они от слез были мокрые. Непонятно. Да и не все ли равно!

Давешний дядька бежал за ней, волоча за собой тяжелый чемодан. Вернее, не бежал, а пытался бежать, пыхтя как паровоз.

– Подождите... Подождите же, девушка, куда вы так торопитесь... Я зову вас, зову, а вы не слышите...

Варя остановилась, резко обернулась к дядьке и проговорила не очень вежливо:

– Ну что, что вы хотите от меня? Благодарности за ваше заступничество? Но я ведь ни о чем таком не просила...

– Да господь с вами, милая, какая такая благодарность... Не нужно мне вашей благодарности! Только ведь дождь на улице... Ночь... А вы одна...

– И что?

– Как это – что? Разве можно молодой девушке одной ночью? Да еще в такое ненастье! Вы же промокнете... К тому же холодно ночью, и вы совсем замерзнете...

– И что вы предлагаете? Хотите вместе со мной промокнуть и замерзнуть?

– Да нет, что вы... Давайте лучше в кафе посидим. Там тепло...

– Да не пойду я с вами в кафе!

– Ну почему же? Хотя... Вы меня, наверное, не так поняли! Я ж ничего такого... Такого плохого и в мыслях не держу... Я ж от души предлагаю! Тем более мне и самому надо время убить, до моего поезда еще три часа... Не верите? Хотите, билет покажу?

– Да зачем же мне ваш билет, я же не полицейский...

– Нет, отчего же? Я могу показать!

– Не надо, – замотала головой Варя. – Я вам верю.

– Тогда пойдемте! Холодно же на улице...

Вон я уже весь промок. А кафе тут рядом, за углом... Оно как бы при вокзале, и потому круглосуточное... Чебуреки там очень даже неплохие, я ел!

Дядька так вкусно сказал про эти самые чебуреки, что Варин рот моментально наполнился голодной слюной. И впрямь, когда она сегодня в последний раз ела? Кажется, вообще ни разу... Если не считать утренней чашки кофе, той самой, перед разговором с Максом... Да, тогда она съела кусок сыра без хлеба. Очень вкусно, когда пьешь кофе вприкуску с сыром.

– Ладно, пойдемте. Только у меня денег нет, – развела руками Варя. – Так уж вышло, простите.

– Да это ничего, я же понимаю, что вы... У каждого в жизни выпадает такой момент, когда вот так... Это я понимаю, да... Идемте, идемте, пока совсем не промокли! Это совсем рядом...

Так они и зашли в кафе странной парочкой – толстый деревенский дядька с чемоданом и дрожащая от холода и несчастья пигалица с прилипшими к щекам мокрыми волосами. Впрочем, оценивать их как парочку было некому – в кафе об эту ночную и ненастную погоду почти никого не было. Зато – о, чудо! – в кафе был камин, хоть и не настоящий, а электрический, но тепло от него шло основательное, можно сказать, агрессивное.

Варя на ходу стянула с себя куртку и села за столик, который ближе всего стоял к камину. И только сейчас почувствовала, как сильно устала. А может, просто силы закончились...

Дядька суетился у нее за спиной, приговаривал быстро себе под нос:

– А вот мы сейчас чайку горяченького... Да с чебуреками... А курточку я вот тут, на соседнем стульчике, расположу, чтобы просохла... А где ж официанточка, чего не идет? Уснула, что ли? Вы сидите, а я на разведку схожу, может, и впрямь уснула...

Варя усмехнулась, отметив про себя – как у дядьки все звучит мягко и округло: курточка, стульчик, официанточка... Наверное, он очень добрый дядька. А еще, наверное, у него семья большая и дружная, и он всех домочадцев нежно любит. Что ж, повезло им... Кому-то много любви в жизни перепадает, а кому-то – с гулькин нос. Нет справедливости в распределении любви, ничего не поделаешь.

Дядька вскоре вернулся, сел напротив Вари, доложил торопливо:

– Я заказал чаю горячего, чебуреков да пирожков сладких... Еще сосиски хотел, да они тут невкусные, я пробовал. Или надо было сосиски?

– Нет, нет, не надо... – торопливо отказалась Варя. – Я только чаю выпью и чебурек съем... Я вообще мало ем, знаете ли. Могу быть сыта рисовым зернышком, как Дюймовочка.

– Оно и видно, что ж... – почему-то грустно вздохнул дядька, мельком глянув на нее. – Все вы тут в городе со своими диетами с ума посходили... Вот в наше время как было? Чем девка справнее, тем она больше у парней в моде! А сейчас что? Кожа да кости, жалкость одна... О, а вот и наш чай с чебуреками! Молодец официанточка, расстаралась!

Когда расторопная «официанточка», оказавшаяся пухлой возрастной теткой с траченными переписью химическими кудряшками, вальяжно удалилась, Варя протянула руки, оплела пальцами горячую чашку, закрыла на мгновение глаза. Вот оно, последнее плотское удовольствие. Много ли надо несчастному человеку в его несчастье – ощутить крупницу тепла продрогшими пальцами... А чебуреком как вкусно пахнет! Мясом и горячим жареным тестом! Это ж можно с ума сойти...

– Да вы ешьте, девушка, ешьте... Чебурек надо горячим есть, чтобы мясной сок не остыл... – заботливо посоветовал

дядька.

– Спасибо... Меня, кстати, Варей зовут. И ко мне можно на «ТЫ».

– О, Варя! Варвара, значит! Хорошее имечко! Мою ма-тушку покойную Варварой звали...

– А вас как зовут?

– Так Сергей Семеныч я... А фамилия моя – Караваев.

– Очень приятно, Сергей Семеныч. Спасибо вам за угощение.

– Да на здоровье, что ты... Ешь давай... Еще не угости-лась, а уже благодаришь...

Варя взяла обеими руками чебурек, откусила. Сок брызнул ей на щеки, и она отпрянула от неожиданности, чуть не подавившись.

– Ой, ну что ты, господи... – замахал руками Сергей Семеныч, сострадательно выпучив глаза. – Я ж тебе говорю – там соку мясного много, осторожнее надо... Вот, возьми салфеточку, оботрись...

– Я ж не жнала... – подавив неловкий смешок, проговорила Варя, торопливо прожевывая, – а правда, вкусно-то как...

– Так я ж говорю... Ну, ешь давай, ешь...

Варя ела, торопясь и обжигаясь, а Сергей Семеныч молчал, смотрел, как она ест. Было в его взгляде что-то такое... Жалостливое, но вовсе для нее не обидное. Так, наверное, смотрят любящие отцы на своих блудных детей.

Когда она, съев два чебурека и выпив чашку чаю, откинулась на спинку стула, он произнес твердо, в совсем уже другой тональности:

– Ну, давай, дочка, рассказывай... Что у тебя там стряслось...

Варя напряглась, спросила с холодной настороженностью:

– Чего я должна вам рассказывать?

– Ну как, чего... Почему на вокзале ночуешь? Как так получилось?..

– Хм! Станный вы, Сергей Семенович! И вопросы у вас странные! Я ж не спрашиваю, почему вы на вокзале ночуете, правда?

– Так я чего... Со мной-то как раз все понятно! У меня поезд в шесть утра! Опоздал я на дневной-то поезд, вот и пришлось билет менять...

– Вы транзитный пассажир, что ли?

– Ну... Можно и так сказать. От сына я еду, он у меня под Сочи живет, в Лазаревском... Слыхала, наверное? А может, и была?

– Была когда-то... В детстве, с родителями. Хорошо там, в Лазаревском...

– Ну вот! – почему-то очень обрадовался Сергей Семенович. – А сын мой, Антоха, отдыхать туда ездил, да так и остался, женился на местной девахе... Уже второго внука нам с женой народил, представляешь? А я, стало быть, решил на обратном пути своего армейского дружка навестить,

давно уж обещался. То да се, выпили, засиделись... Всю ночь проговорили... А утром я и будильника не услышал, и на поезд дневной опоздал. Да, сильно мы на грудь приняли... И то, почти двадцать лет не виделись... Проснулся я, а в квартире никого нет, вся семья по делам разбрелась. Гляжу – батюшки... На поезд-то я опоздал! Ну вот, пришлось собираться да дуть на вокзал, и билет взял только на утренний поезд... Возвращаться-то неудобно было, у друга ж семья, свои дела, свои заботы... Да и попрощались уже вроде, неудобно... Да что я все о себе да о себе! Давай, рассказывай!

Варя улыбнулась, пожала плечами. Вовсе она не собиралась ничего рассказывать этому странному дядьке. Да и зачем, собственно? И без рассказов внутри все болит... Так болит, что лишний раз трогать больное место не хочется. Раньше так не болело, а теперь, когда отогрелась... Наверное, и боль тоже внутри отогрелась, ожила. Не надо было в кафе идти. И согреться не надо было, пусть бы она лучше замороженной оставалась. И чай пить не надо было, и чебуреки есть, и разговоры разговаривать... И зачем этот дядька на нее так смотрит, ничего она ему не должна! Накормил – и спасибо...

Варя поняла, что сейчас заплачет. Отвернулась к окну, прикусив губу...

– Что ты, милая, что ты... Не хочешь, так и не рассказывай, просто так посиди... Я ведь и не настаиваю, я ж как

лучше хотел... Может, помочь чем смогу... Ладно, давай помолчим, если хочешь...

Варя благодарно кивнула ему в ответ. Да, лучше помолчать. Потому что невозможно облечь в слова все то, что пришлось пережить за прошедший день... В слова невозможно, но совсем не вспоминать – не получается...

* * *

Да, не получается. Потому что с каждым новым болевым всплеском выплывают в обиженной памяти все новые и новые детали. Такие непереносимо болезненные, что хочется сжать зубы, застонать, мотать головой из стороны в сторону...

Но не станешь же перед этим дядькой стонать да головой мотать, еще подумает, что она ненормальная. Нет уж, надо тихо сидеть, собирать себя по кусочкам. Лучше бы вовсе не вспоминать, но ведь все равно не получится, как ни стараться!

А главное, все так неожиданно произошло. Посреди безмятежного утра, после счастливой ночи. Той ночью Макс любил ее. Очень. Она это знала. Потому что искренней эмоцией обмануть нельзя. И тем более неожиданным был его сухой и официальный голос, когда она вышла из ванной с тюрбаном полотенца на голове. И взгляд в сторону, и несвойственные Максy резкие жесты...

– Сядь, Варь. Нам надо поговорить.

– Ага, давай... Если надо... Погоди, только кофе себе налью! И сыра отрежу! Я же вчера свой любимый сыр купила, с грецкими орехами! – тараторила она легкомысленно, еще не успев испугаться.

– Это будет очень серьезный разговор, Варь. Где-то даже жестокий...

– Жестокий? Почему жестокий? Что-то случилось, Макс? Тебе кто-то позвонил, пока я была в ванной?

Она вонзила зубы в сыр, прожевала, потом отпила большой глоток кофе, зажмурилась от удовольствия. Но в голове уже будто мигала сигнальная лампочка – надо приготовиться к какой-то плохой новости, надо... Но какие могут быть плохие новости в такое безмятежное утро? После ночи любви, после душа... Когда так вкусно пахнет на кухне только что смолотым кофе...

– Погоди, Варя, не перебивай! – воскликнул Макс. – Я и без того собоюсь. Вот, уже сбился... Не знаю, с чего начать...

– А ты начни с главного. Всегда лучше начинать с главного, а не тянуть кота за хвост.

– Думаешь?

– Ну да... – кивнула Варя, стараясь унять волнение. – Говори уже, а то мне как-то не по себе... Что случилось, Макс?

– Да, в общем... Ничего такого особенного не случилось... Просто нам нужно расстаться, Варь. Вот и все.

– Погоди... Как это – расстаться? – опешила Варя. – Я не поняла... Ты пошутил, что ли?

– Нет, какие тут шутки... Я вполне серьезно с тобой говорю. Нам необходимо расстаться, Варь.

– Но почему? Ты что, разлюбил меня за одно утро? – Варя попыталась посмотреть Максиму в глаза, но он низко наклонил голову и пробормотал:

– Да при чем здесь утро... Ну, просто так обстоятельства сложились...

– Да какие такие обстоятельства? – всплеснула руками Варя, все еще не веря, что все происходит на самом деле. – Когда они успели сложиться? Мы же ночью... Мы же... Макс, я не понимаю, что происходит!

– Фу, черт... Ну не знаю я, как тебе объяснить... Просто идиотом себя чувствую... А может, ты мне позволишь ничего не объяснять, а? Варь? Просто принять как данность, и все?

– Нет, не позволю. Уж будь добр, объяснись. Потому что я не понимаю... Потому что ночью ты говорил, что любишь... Нет, я не понимаю, Макс! Объясни!

– Да какая разница, любишь не любишь... При чем тут любовь вообще? Я ж тебе объясняю: так обстоятельства складываются, не в нашу с тобой пользу! Иногда и любовь зависит от обстоятельств, ничего не поделаешь!

– Погоди... – подходя вплотную к отпрыгнувшему от нее Максиму, проговорила Варя. – Ты сказал: не в нашу поль-

зу... А в чью пользу складываются обстоятельства? И что это за обстоятельства такие, я не понимаю!

– Варь... Ну чего ты дурацкие вопросы задаешь?

– Это я задаю дурацкие вопросы?

– Да, ты! Нет чтобы принять все, как есть... Думаешь, мне легко, что ли, такое решение принимать? Да мне сейчас гораздо хуже, чем тебе, если хочешь знать!

– Но если нелегко, тогда в чем же дело?

– Да в том и дело, Варь... – с трудом произнес Макс. – Просто мои родители... Ты же знаешь, какие у меня отношения с родителями!

– Ах, вот оно что... Родители, значит... – кивнув, протянула Варя.

Видимо, ее слова прозвучали как-то слишком уж издевательски, хотя она вовсе этого не хотела. Но Макс явно услышал в них издевку – вроде того, он, Макс, ведет себя как маменькин сынок... Юноша в пубертатном возрасте, послушный родительской воле...

А впрочем, так ведь оно и было всегда. Родители Макса – люди обеспеченные, хотя имеют вполне демократические взгляды на жизнь. И на воспитание сына тоже. Хочешь свободы – пожалуйста, ешь полной ложкой. Влюбился в девушку – люби себе на здоровье. Так сильно влюбился, что хочешь вместе с ней жить? Да пожалуйста, дорогой сынок, мы тебе для этого дела квартиру снимем и сами аренду станем оплачивать! Ты ж у нас студент престижного вуза, сам

себе заработать пока не можешь... Да и вообще, вряд ли когда сможешь без помощи влиятельного папы... А потому, сынок, свобода свободой, но все в разумных пределах должно быть. То есть, дорогой сынок, мы все же привяжем тебя на веревочку, чтобы далеко не уходил да глупостей не наделал. Не беспокойся, веревочка достаточно длинная... Такая длинная, что нас и на горизонте не видно. Но если уж потянем за веревочку – будь добр, не упирайся...

Варя это понимала. Она была умной девушкой. Но в то же время она была не просто умной, она была влюбленной девушкой... А любовь, как известно, любой ум изничтожает напрочь, и девушка начинает жить исключительно чувствами, будь они неладны... А еще надеждами. Слепыми и глупыми.

Вот и она, несчастная Варя, жила глупыми надеждами и чувствами. И старалась не отдавать себе отчета в том, что, к примеру, родители Макса не жаждут общения с ней. В гости не зовут, на дни рождения не приглашают. Довольствовалась тем, что и сам Максим на семейные посиделки ходит без удовольствия, демонстрируя одно только чувство обязанности. Еще и успокаивала его, дурочка... Мол, так надо, это ж твои родители...

Правда, мама Макса, Елена Георгиевна, пару раз таки проявилась, позвонила ей. Просто узнать хотела, почему у Максика телефон отключен. Была отстраненно приветлива и холодно вежлива, называла «моя дорогая». А она и этому

рада была, дурочка...

Нет, ну не дурочка ли? Где у нее голова была? В любви утонула? Вот и выплывай теперь, как хочешь, из этого унижения, которое сама себе организовала!

А с другой стороны... Это ведь любовь все-таки. А любовью оскорбить нельзя. Когда любишь, надеешься вопреки всем плохим обстоятельствам. Надеешься, что любовь может все победить. А иначе – зачем тогда любить...

Вот и она надеялась, что Макс ее любит. Что не позволит родителям веревочку натянуть... А выходит, все не так было...

– Макс... А ты что, меня совсем не любил, да? Тогда зачем... Зачем все это...

– Варь, ну опять ты! Ну при чем здесь любовь-то, Варь? Любил не любил... Любил, конечно! Я и сейчас тебя люблю! Но я ж тебе объясняю...

– Да, я поняла. У тебя обстоятельства, да.

– Ну, Варь... Ну что ты... – попытался сгладить ситуацию Макс. – Пожалуйста, отнесись к этому как-то легче, что ли... Ну нельзя же так...

– Легче? Как это – легче? – Варя подняла на него полные отчаяния сухие глаза. – Ты думаешь, что это возможно вот так... По щелчку пальца... Взять и разлюбить? В одно прекрасное утро, выйдя счастливой из душа? Зачем ты сегодня ночью... Зачем ты... Говорил, что любишь...

– Потому что это была наша последняя ночь, Варь. Я хо-

тел, чтобы ты меня запомнила таким...

– Но ты хоть понимаешь, как это жестоко, Максим?

– Ой, – сморщился этот самый Максим, – только не надо драматизировать, прошу тебя... И без того себя ощущаю сейчас героем-любовником из пошлой киношной мелодрамы... Она любит, а он, подлец, пользуется ее любовью.

– А ты тот самый и есть, Макс. – сказала Варя. – Из пошлой киношной мелодрамы. Прекрасно свою роль сыграл. Любители мелодрам захлебнутся восторгами.

– О, это что же, мы на оскорбления перешли? Не надо, Варь. Давай обойдемся без этого. И вообще... Я ведь ничего тебе не обещал, правда?

– Хм... Какая сакраментальная фраза... Тоже из мелодрамы, наверное. «Он обещал мне: Будь ты моею... И буду жить я, страстью сгорая...» Или как там, не припомню дальше?

– Ну хорошо, пусть из мелодрамы... Но ведь это правда? Я тебе ничего не обещал?

– Да, правда. Ты мне ничего не обещал. Да я и не ждала никаких обещаний. Потому что... Потому что мне казалось, что это смешно и неправильно – ждать обещаний... Потому что они звучат как раз там – в пресловутых мелодрамах... Да и что ты мне должен был обещать? Жениться, как порядочный человек?

– Варь... – Слова Вари явно сбили Макса с уверенного тона. – Ну почему ты всегда усложняешь? Все ведь у нас было просто и понятно... И вполне прозрачно...

– То есть? Что значит – прозрачно? Что ты хочешь этим сказать?

– Я хочу сказать, что нам обоим было удобно. Это как раз тот случай, когда любовь совместилась с удобством, как ни ужасно это звучит. Мне было удобно, тебе было удобно... Ведь жить с сестрой в однокомнатной квартире тебе было не очень удобно, правда? Можно даже сказать, плохо тебе было с сестрой? Ты же ей просто мешала... Что, разве не так?

Варя промолчала, отведя взгляд в сторону. В голове звенело, будто там лопнула натянутая струна, и мысли сквозь этот звон пробивались нехотя. Да и не мысли это были, а так... Непонятно что... Плохо было с сестрой, говоришь? Ну да, не очень хорошо было... Так ведь и Ольгу обвинить не в чем – так жизнь сложилась...

Да, так уж сложилось. Ольге она действительно мешала. Ольга не могла из-за нее устроить свою личную жизнь... Хотя вслух этого меж ними никогда не проговаривалось, но от очевидных вещей не скроешься. И от жизни их неказистой тоже не скроешься – так уж сложилось...

Хотя в детстве она была вполне себе счастливой. Как может быть счастлив ребенок, с которым всегда рядом папа и мама, мир которого безмятежен и наполнен всеми прелестями счастливой поры. Правда, детство почему-то вспоминалось обрывками, вспышками... Яркий газон на даче, цветы в росе. Большая детская в городской квартире, множество игрушек. Старшая сестра Ольга в теннисной юбочке и с ра-

кеткой, разогретая долгой тренировкой и очень собой довольная. И папа – красивый и улыбочивый. И мама – худенькая, подвижная, как ветерок, с летящими светлыми волосами, пытающимися вырваться в открытое окно машины по воле встречного ветра... Не детство, а картинка из дорогого журнала. Так было лет до восьми. А потом...

Потом все краски полиняли – будто в одночасье. Хотя все и случилось именно так – в одночасье. Однажды папа пришел домой совсем другим – озабоченным и подавленным – и долго разговаривал с мамой, закрывшись в спальне. Она слышала, подкравшись к двери, как мама плакала, как дрожал и срывался ее голос вопросами – что теперь с нами будет, что? Ты подумал о детях, Саша, когда так рисковал? Неужели нам плохо жилось и без этих денег? Да нам же теперь во век не рассчитаться...

Папа бурчал в ответ что-то виноватое – слов было не разобрать. А когда вышел из спальни, лица на нем не было. Было только серое пятно, как на старой плохой фотографии. Папа даже на Варю глянул равнодушно, чего отродясь не бывало! Раньше вообще не мог пройти мимо, не улыбнувшись, не прижав к себе хоть на секунду... Даже Ольга всегда говорила, что папа младшую дочь больше любит... Не с обидой говорила, а с легким кокетством, будто приглашала папу и ей тоже немедленно дать любви. Папа тут же откликался, и все это выходило очень весело и хорошо...

А потом стало совсем плохо. С каждым днем все хуже

и хуже. Папа надолго уходил из дома, и мама все время плакала и отмахивалась от Ольгиных вопросов – не до тебя, мол... А она, маленькая Варя, и вовсе никаких вопросов не задавала. Боялась. Непривычно было жить в такой обстановке. Непривычно и страшно. Лучше сидеть в своей комнате и ждать, что все когда-нибудь образуется. И папа станет прежним – веселым и ласковым, и мама не будет плакать...

Но ничего не образовалось. Наоборот, будто с горки вниз покатилося – очень быстро. Сначала папа продал машины, свою и мамину, потом загородный дом, потом очередь дошла до квартиры... Варя не понимала, конечно, как это – продать квартиру? А где они все будут жить? Но вопросов опять же не задавала, сидела тихо, ждала. Все время ждала завтрашний день, когда все образуется. Ведь не бывает так, чтобы все время было только плохо? Когда-нибудь все должно вернуться назад? Но проходил день, наступал следующий... И ничего не менялось. Папа ходил с отчаянным остановившимся взглядом и будто вовсе ничего не замечал, а мама плакала. Особенно горько она плакала в тот вечер, когда собирала вещи. Сядет на стул, поплачет, потом снова принимается что-то раскладывать по коробкам, по чемоданам... А еще она очень вдруг рассердилась на Варю, когда та спросила, куда складывать игрушки. И не просто рассердилась, а закричала надрывно – какие игрушки, мол! Что ты лезешь со своими игрушками! Некуда игрушки твои тащить, самим бы разместиться как-нибудь! Там места совсем мало,

игрушки еще придумала!

Там – это в однокомнатной квартире на окраине города, как оказалось. Неуютной, маленькой, с ободранными дешевыми обоями на стенах. И мама опять плакала каждый день, отторгая эту новую неустроенную жизнь. А потом плакать перестала, и глаза у нее стали такими же, как у папы, – будто она не хотела ничего этими глазами видеть. Вставала утром, как автомат, варила кашу на завтрак, отправляла их с Ольгой в школу. Варя оканчивала первый класс, а Ольга – десятый. И они ездили с городской окраины, где теперь жили, в прежнюю школу. Чтобы доучиться год. А со следующего года должны были пойти в другую школу, и Ольга заранее ее не любила и все время Варе рассказывала, как там плохо. И тоже на нее сердилась почему-то, будто Варя была виновата.

Потом папа начал снова пропадать – уже совсем надолго. А мама и не ждала его, будто это было нормально, будто это было и хорошо даже. Уходила на работу, возвращалась вечером уставшая и поникшая. Потому, наверное, что мама никогда раньше не работала, да и специальности у нее никакой не было – вышла замуж за папу сразу после школы. Работала она приемщицей в химчистке, но что-то не очень хорошо получалось у нее с этой работой. Как мама объясняла – там хамства много. Каждый норовит свое недовольство в приемщицу кинуть, будто это она виновата, что вещи от времени лоснятся, грязнятся и теряют свой вид! Что люди надеются

на эту химчистку, будто она волшебная и вернет им новые вещи, с иголки! Надеются, а потом хамят... А слишком много хамства в одну приемщицу поместиться не может, перебор получается. И куда этот перебор деть? Только домой нести... И поэтому на мать обижаться не надо, когда она раздражается. Ничего не поделаешь, такая теперь у них жизнь, и папочке своему за это спасибо скажите...

Но говорить это обидное «спасибо» было некому. Папа иногда хоть и возвращался домой, но был неряшливым, опухшим и нетрезвым. А однажды пришел забирать Варю после уроков в ту гимназию, где она доучивалась последний месяц... Хорошо, что Варя вышла из гимназии вместе с Ольгой, и та увела папу очень быстро, и потом плакала и говорила ему сердито – не надо, не приходи сюда больше, папа, прошу тебя...

После летних каникул Варя со страхом пошла в новую школу. Эта школа оказалась похожей на их новую квартиру – такая же убогая и неуютная. Впрочем, это была самая обыкновенная школа, каких много, просто все познается в сравнении... А детская способность к сравнению безжалостна и бескомпромиссна, она только два критерия знает – там было хорошо, а здесь плохо. Зато было уже не так страшно, если вдруг папа придет за ней в эту новую школу. Пусть приходит. Здесь всякие папы и мамы бывают. И такие тоже.

А потом папы не стало. Папа погиб. Тело нашли в лесополосе за городом, с ножевым ранением в сердце. У мамы

даже на слезы сил не осталось – всю похоронную процедуру простояла, словно каменная. И глаза были опять пустые, почти равнодушные к происходящему. Дальняя родственница отца, приехавшая на похороны, подошла к ней, посоветовала страдальческим шепотом:

– Ты поплачь, Марин... Тебе легче станет... Поплачь, поплачь, так надо...

– Я не могу, Люсь... – не повернув к ней лица, проговорила куда-то в горестное пространство мама. – Не могу... У меня так болит все внутри, сил нет... Никакого терпения уже нет. Если буду падать, вы уж меня подхватите.

– Так, может, тебе таблеточку дать? У меня анальгетик хороший есть...

– Да что там анальгетик... Мне давно уже не помогает никакой анальгетик, даже самый сильный. Наверное, я тоже скоро умру. Недолго осталось.

– Господи, да что ты такое говоришь, Мариночка... У тебя же дети... Да разве так можно...

– Я знаю, что говорю. Знаю... И все, не будем больше об этом...

Мама болела долго, но подняться так и не смогла. Как объяснил Ольге врач в больнице, у нее воля к жизни иссякла. И ничего эту волю восстановить не смогло, и даже материнский долг не смог пробиться через вторую стадию онкологии, которая излечивается в подавляющем большинстве случаев. Они ходили к маме в больницу, носили бульоны, и кот-

леты, и свежий творог с рынка. Денег не было совсем, но им немного помогала та самая родственница, тетя Люся, что жалела маму на похоронах. Как-то они умудрились выкраивать из этой малости и для мамы. А еще соседка сердобольная помогала – Нина Федоровна. Даже посоветовала Ольге, чтобы та определила Варю в интернат – сама, мол, еще не выросла, чтобы такой груз на себе нести: и больную мать, и сестренку... Но Ольга отказалась, и Варя была ей благодарна за это. А вскоре и маму из больницы выписали... И все пошло вроде бы по-прежнему, но ненадолго. Через год мама опять попала в больницу. Сделали срочную операцию, а потом выписали домой – умирать...

В тот день у Ольги аккурат был день рождения – восемнадцать исполнилось. Так и сидели за столом втроем – десятилетняя Варя, именинница Ольга да мама, вся исхудавшая, согбенная, как старуха, с черными провалившимися подглазьями. Они с Ольгой молчали, а мама говорила. Только не поздравительные тосты, а совсем другие слова...

– Ты прости меня, Оленька, не смогла я. Видать, природа у меня хлипкая, могу только в счастье жить, а испытания мне не под силу оказались. Я ж понимаю, что меня домой-то умирать выписали... И ты тоже это понимаешь, я знаю. Вот и давай будем рассуждать из этого обстоятельства... Вдруг и вовсе не удастся больше поговорить?

– Мам, ну не надо... Не надо, пожалуйста... – тихо заплакала Ольга, придерживая вмиг расквасившееся лицо дрожа-

щими ладонями.

– Да я все понимаю, что не надо бы сейчас, Оленька, в твой день рождения, но что ж поделаешь... А вдруг у меня другого времени не будет? Надо ж поговорить, обсудить все, как вам с Варенькой жить после меня... Давай-ка успокойся и послушай меня внимательно. Соберись, Оленька, соберись. Так надо, милая.

– Да, я сейчас... – торопливо размазала по щекам слезы Оля. Задержала дыхание, до боли прикусила губу и некрасиво судорожно икнула, пытаюсь успокоиться.

– Оленька, я понимаю, каково тебе сейчас... И ты прости меня, ради бога. Понимаю, с какой обязанностью тебя оставляю... Но у тебя характер крепкий, ты в деда пошла. Ты сможешь, я знаю. Ты, Оленька, обещай мне, что Варю в детдом не отдашь... Прямо сейчас обещай.

– Мам, ну о чем ты говоришь... Конечно... – снова чуть не заплакала Оля, но сдержалась. – Об этом даже речи нет...

– Спасибо, Оленька. А ты... – медленно повернулась к Варе мама, – а ты, Варюша, слушайся Олю во всем... Не перечь, не вредничай, будь тише воды, ниже травы... Как Оля скажет, так и поступай... Поняла? Чего молчишь?

– Да, мам, я поняла... – только и смогла произнести Варя и тоже не сдержалась, расплакалась.

Плакать было почему-то стыдно, будто она своим плачем очень огорчала и маму, и Олю. Но они вдвоем принялись ее утешать, будто спохватились, что такие разговоры непо-

сильны по своему горестному духу для психики десятилетнего ребенка. Мама даже попыталась улыбнуться, подбадривая ее, но лучше бы она этого не делала. Улыбка вышла такой жалкой, что Варя еще горше разрыдалась, орошая солеными слезами винегрет на своей тарелке. Потом, успокоившись, так и ела его – пересоленным...

– Ну все, девочки мои любимые, все... Больше не будем о грустном... – вяло махнула исхудавшей ладонью мама. – В конце концов, у нас праздник сегодня... С днем рождения тебя, Оленька, дорогая! Какая же ты красавица выросла! Сильная, умная, ответственная! Я знаю, все у тебя в жизни хорошо сладится! И замуж за хорошего человека выйдешь, и детей родишь... Не польстись только на слабого мужчину, Оленька. Слабость – она штука коварная, она всегда кроется за обаянием да легким характером на первый взгляд... Ищи себе мужчину основательного, пусть и с тяжелым характером. И любовью не обманись. Пусть будет трезвый расчет на первом месте. А любовь – она что... Она дело наживное. А самое главное – не верь сказкам про рай в шалаше. Не бывает такого рая для женщины... Потому что этот рай обязательно адом обернется. Поняла меня, Оленька?

– Да, мам. Поняла.

– Вот и хорошо, вот и ладно. Я ж знаю, какая ты у меня умница. Только Варю сначала до ума доведи, а потом уж и о себе подумай. Профессию в руки дай... Да не какую-нибудь легкомысленную, а крепкую профессию, чтобы она без

куска хлеба не оставалась. И во всем остальном тоже приглядывай... Варя красивой девушкой вырастет, это уже и сейчас видно, за ней ведь глаз да глаз нужен будет. Не дай бог, собьется с пути, на девчачью красоту всегда охотники окажные найдутся.

Мама вздохнула, задумалась о чем-то своем, потом закрыла глаза, тихо застонала от раздирающей ее изнутри боли. И проговорила надрывно:

– О, господи, Оленька, Оленька... С каким грузом обязанностей я тебя оставляю... Но я умоляю тебя – не бросай Варю, доведи до ума...

– Да, мам, я все поняла. Я тебе обещаю.

– Вот и ладно. И хорошо. Спасибо, доченька. Жалко, что ничем больше помочь тебе не смогу... Но я постараюсь позже умереть, хотя бы недели через две-три, чтобы хлопотами с поминками тебе на всю жизнь день рождения не испортить. Сначала чтоб отпраздновала, а потом уж – поминать...

Мама, как и «обещала», умерла через три недели. Но «обещание» ее не помогло – с тех пор Ольга никогда не отмечала свой день рождения. А на поминки всегда кого-то звала, стол накрывала. Правда, приходящих на поминки год от года становилось все меньше... Откуда им взяться-то? Годы уходят, уносят память об умерших. А родственников у них и не было, ни двоюродных, ни троюродных. Даже та самая тетя Люся, что успокаивала маму на поминках да пыталась как-то помочь, исчезла куда-то, переменила место жительства.

И знать о себе не давала. Так и жили Варя с Ольгой одни...

После маминой смерти началась другая жизнь, самостоятельная. Если, конечно, можно говорить об этом так. То есть так красиво. Ведь самостоятельность – это так красиво и гордо звучит! На самом деле никакой особенной красоты, а тем более гордости не было, а были сплошные трудности, порой доводящие Ольгу до отчаяния. Днем она работала, вечером упорно ходила на лекции в своем вечернем институте, приходила домой уставшая и злая. Осколки этой злости порой летели прямиком в Варю... Как раньше от мамы, когда она работала в химчистке. Хотя Варя старалась, как могла. Убирала в квартире, готовила немудреную еду. Ходила в магазин, покупала продукты, на всем стараясь экономить, как требовала Ольга. Но надо отдать Ольге должное – как ни уставала, но каждый вечер старалась уделять Варе хоть какое-то время. Варя называла это время «пятиминуткой воспитания» и покорно отвечала на все строгие вопросы старшей сестры – какие оценки получила в школе, чем занималась днем, с кем дружит и о чем разговаривала...

Да, Ольга была к ней строга. Наблюдала за ее жизнью сверху, как коршун. Могла и наброситься, и клюнуть больно, если ей что-то не нравилось. А еще Ольга в обязательном порядке ходила в школу, и на родительские собрания, и просто так, с классной руководительницей побеседовать.

Иногда Ольгина строгость доходила и до беспощадности. И тогда Варе казалось, что Ольга ее совсем, совсем не лю-

бит... Просто маме обещала и боится обещанное не исполнить. Став взрослее, Варя поняла – Ольга просто не выносит ответственности. Тяжело ей. Не по возрасту. Для ответственности созреть надо, а она сама еще сопливая девчонка... Ну что такое – восемнадцать-девятнадцать-двадцать лет? Еще самой хочется под родительской ответственностью жить, а не из себя ее силой вытаскивать. Но раз так жизнь распорядилась, надо вытаскивать, а как иначе?

Окончив школу, Варя тоже решила пойти работать. Не сидеть же на шее у Ольги, и без того насиделась, сколько можно. Но Ольга вдруг воспротивилась – никакой работы, сначала институт надо окончить! И только дневное отделение, потому что не потянешь, мол, ты вечернего! Варя пыталась возражать – ты ж потянула, и я потяну... Но Ольга была непреклонна, бросив ей довольно жестко в лицо:

– Я маме обещала... Так что уж будь добра, получи нормальное высшее образование. Куда поступать-то хочешь?

– В университет, на истфак...

– Ух ты... А чего попроще не хочешь? Я знаю, на истфаке всегда конкурс большой...

– Нет, не хочу. Мне другое неинтересно. Оль, ну давай я на вечернее отделение пойду...

– Нет. Это даже не обсуждается. Пусть будет истфак. Да, точно, твоя историчка тебя всегда хвалила... Так что давай, дерзай. Надеюсь, поступишь.

Варя поступила. И училась взахлеб, не пропуская ни од-

ной лекции. Студенческих вечеринок не посещала, нарядами не увлекалась, да и не на что было наряды покупать! Была довольно симпатичным, но все же «синим чулочком», зимой и летом одним цветом – джинсы, кроссовки да любимая рубашка в синюю клеточку. Странно даже, как Максим ее углядел...

Познакомились они на улице. Варя шла домой, он шел ей навстречу. Почему-то она улыбнулась ему – сама от себя не ожидала такого «разврата». Максим остановился, развернулся, пошел следом за ней. Потом забежал вперед, глянул ей в лицо внимательно.

– Простите... А мы знакомы?

– Нет, мы незнакомы... – снова улыбнулась Варя. – Вы потому спросили, что я вам улыбнулась? А что, разве нельзя? У меня настроение хорошее, вот и улыбнулась...

– А ты всем встречным парням улыбаешься, да?

– Нет, только тебе.

– Ну, теперь я, как порядочный человек... – галантно начал Максим, но опомнился и забормотал: – После такого... Я просто обязан...

– Что – обязан? – опешила Варя. – Ничем ты мне не обязан...

– Я просто обязан познакомиться! Меня Максим зовут... А тебя?

– А меня Варя...

– Очень приятно, хорошее имя. Ну что, Варя, пойдем?

– Куда?

– Ну, я не знаю... Давай в кафе... А потом я тебе цветы подарю, потом конфеты... А еще мы будем гулять по набережной и любоваться закатом. А лучше давай все сразу, ладно? Можно же все эти атрибуты уместить в один вечер?

– А зачем их уместать в один вечер, не понимаю?

– А чего тут непонятного, Варь? Зачем растягивать по времени обязательную программу, если можно сразу приступить к произвольной?

– Ну, ты и нахал... – с трудом проговорила Варя.

– А ты очень красивая. У тебя глаза фиалковые. Ты на меня глянула, и у меня внутри зажегся фиалковый огонь. О, как сказал красиво, зацени! Я вообще умею говорить приятные вещи, учти!

– Ладно, я учту, Максим...

– Лучше называй меня Максом. Так все зовут, я привык.

– Хорошо, Макс, я учту.

– Отлично. Так, про глаза я уже сказал... Да, еще у тебя волосы очень красивые! Только тебе прическу другую надо носить... Более легкомысленную, что ли. Такие волосы шикарные, а ты их в эту фигу на затылке прячешь! Зачем?

– Затем, что мне так удобно.

– Ну, мало ли что удобно... – хмыкнул Макс и с видом знатока изрек: – Такой потенциал нельзя в банальное удобство запихивать, его надо наружу выставлять!

– Зачем? Мне и так хорошо!

– Да брось... Не придумывай себе того, чего нет. Тебе не может быть хорошо в твердой скорлупке, пора начинать пробивать ее клювиком. Ведь на меня фиалково глянула, так?

– Ну, так...

– Значит, первый шажок уже сделала. Молодец. Теперь надо следующий сделать. Если боишься, я тебе помогу. И вообще, я тобой решительно займусь! И твоим имиджем тоже!

– Ага... Имидж ничто, жажда все... – попыталась отшутиться Варя. Ей было и досадно, и неудобно одновременно.

– Нет, кроме шуток! – продолжал разливаться соловьем Максим. – Во мне уже Пигмалион проснулся, требует конкретных действий! И мы сейчас пойдем с тобой не в кафе, а в хороший салон... У меня даже стилист есть знакомый, к нему моя маман ходит... Он из твоих волос шоколадную конфетку сделает, вот увидишь!

– Да никуда я с тобой не пойду! – вспыхнула Варя. – С чего ты взял?

– Пойдешь. Я настойчивый. Сама виновата, что мне улыбнулась.

– Да мне домой надо... – Варя поняла, что надо спастись бегством. – Я очень тороплюсь... Я сейчас не могу... Вон мой автобус идет!

– Тогда давай свой телефон! Быстро!

Не дожидаясь ответа, Макс ловко выудил из незакрытой Вариной сумочки мобильный телефон, набрал на нем свой номер. Варя слышала, как тут же пропел знакомой популяр-

ной мелодией его мобильник, и Максим улыбнулся доволь-
но:

– Ну вот, все в порядке... Никуда ты от меня теперь не де-
нешься. Я вечером позвоню, ага? А теперь торопись на здо-
ровье, догоняй свой автобус!

Он позвонил через полчаса и говорил так, будто они бы-
ли знакомы сто лет. Варя поневоле приняла эту его тональ-
ность – противостоять напористому обаянию Максима было
практически невозможно. Да и не хотелось ей сопротивля-
ться... А через неделю она поняла, что влюбилась. Едва-ед-
ва доживала до следующей встречи, сама себя не узнавала.
Вдруг страшно понравилось быть Галатеей, слушать советы
своего Пигмалиона, верить его оценкам... И прическу сме-
нила, и стиль одежды. Что, естественно, не укрылось от Оль-
гиного наблюдательного глаза.

– Он кто? – сурово допрашивала она Варю. – Что ты о нем
знаешь? Почему позволяешь дарить тебе такие дорогие ве-
щи? Ты хоть знаешь, сколько, к примеру, вот это платье сто-
ит?

– Не знаю, Оль, – беззаботно отмахивалась счастливая Ва-
ря. – Не буду же я спрашивать у него, сколько оно стоит.

– А сама догадаться не можешь? Смотри, это же Италия,
это сумасшедше дорогой бренд!

– Ну что мне теперь, отказываться от всех подарков? Со-
всем уж глупо будет выглядеть...

– Да, согласна. Глупо. Ну, хорошо... Ты знаешь, кто его

родители? Он тебе что-нибудь о своей семье рассказывал?

– Ну, они какие-то высокопоставленные люди... Обеспеченные... Я не знаю, Оль!

– Это он тебе говорит, что они такие?

– Так по всему же видно! У него машина своя, одежда фирменная, в дорогие кафе меня водит...

– Хм... И что же он, весь из себя такой золотой мальчик, в тебе нашел? Ты об этом не задумывалась?

– Не знаю. Он говорит, что я красивая. Что я ему нравлюсь. Что... Что любит меня...

– Уже и любит? Так быстро?

– Ну да... И знаешь, еще что? Даже боюсь сказать...

– Да говори, чего уж там!

– Он предложил мне жить вместе...

– Где? – Изумлению старшей сестры не было предела. – У его родителей?

– Нет... Он квартиру хочет снять.

– А кто эту квартиру оплачивать будет? Он же пока студент, денег своих не зарабатывает, я правильно понимаю?

– Родители согласились оплачивать. Он так сказал.

– Как? Они ж тебя еще и не видели!

– Я не знаю, Оль. Я говорю, как есть. Нет, конечно, если ты против, то я...

– А я разве тебе сказала, что против? – Голос Ольги стал неуверенным. – Просто как-то это странно все... Подозрительно как-то...

– Оль, я тоже люблю его. И я хочу жить вместе с ним. Он хороший, Оль, правда...

– Да ты совсем потеряла голову, я смотрю! Надеюсь, тебе не надо объяснять, что бывает с девушками, потерявшими голову?

– Нет, не надо. Я в курсе. Ты же мне сто раз сама все объясняла, Оль! И книжки на эту тему давала читать! Не бойся, я не залечу, я все знаю.

– Может, теоретически и знаешь... А в остальном... Хотя ладно, ты права. Надо же тебе когда-то соединить теорию с практикой. Но все равно мне страшновато как-то...

Варя знала, что Ольга любит ее. И не то что не завидует ее внезапному женскому счастью, а пытается укрепить, улучшить его. В этом она была вся. Сестренка...

– Ну да ладно! – тем временем деловито махнула рукой Оля. – Давай так поступим... Ты пригласи его в гости, я посмотрю на него внимательно. Завтра же и пригласи. Организуем на ужин что-нибудь выдающееся. Что там едят в богатых домах? Индейку под белым соусом? Телячью грудинку, запеченную в ананасе?

– Давай мясо с грибами сделаем, – тут же включилась Варя. – Тоже вкусно.

– Ладно, подумаем... До завтра есть время...

Макс с легкостью принял приглашение, предстал перед Ольгой со своей неподражаемой улыбкой, с цветами и бу-

тылкой дорогого вина в руках. Ольга пригласила его за стол и долго, как ей казалось, невзначай, пыталась его «на порядочность», и с одного боку эту самую порядочность проверяла, и с другого. Потом, в конце ужина, по довольному виду сестры Варя поняла, что Макс все тесты прошел успешно. Стало быть, есть шанс получить согласие на совместную жизнь в съемной квартире...

И еще была одна причина, объясняющая Ольгино скороспелое одобрение. Дело было в том, что старшая сестра и сама была влюблена. Но это была уже другая история, можно сказать, трагическая. Избранник Ольги по имени Олег был женат, имел двоих детей и все время держал Ольгу в напряжении, обещая развестись со дня на день. Ольга послушно ждала... Ждала и верила. И продолжала любить. Совсем зациклилась на этом Олеге, больше ни на кого смотреть не могла... И Варин уход, стало быть, мог спровоцировать-таки Олега на подвиг. И в самом деле – куда уходить-то? В «однушку», где вместе с любимой женщиной еще и младшая сестра проживает? В общем, все должно было решиться как нельзя лучше, к удовольствию всех сторон.

Макс арендовал уютную «двушку» в центре города, и Варя вскоре перевезла туда свои вещи. И зажили они как бы семьей, беззаботной, веселой, студенческой. Иногда, просыпаясь, Варя долго не могла открыть глаза, наслаждаясь нахлынувшим счастьем... Оттягивала минуту... Потому что откроешь глаза, повернешь голову, а на другой подушке – го-

лова Макса. И можно смотреть, как он спит... А потом протянуть ладонь, провести пальцами по его щеке, прошептать ласково – эй, пора вставать... На лекции опоздаешь...

Она даже учебу слегка забросила, вся отдавшись любви, и даже летнюю сессию чуть не завалила, но все как-то обошлось само собой. Наверное, вид у нее был слишком счастливый, и у экзаменаторов рука не поднялась поставить ей «неуд». Как она любила, господи, как любила! Казалось, даже музыка в ушах звучала счастливая, невесть откуда взявшаяся. И в музыке этой – шелест листьев, песня дождя, тихий шорох падающих снежинок... Наверное, когда любишь, особую музыку мироздания слышишь. Открывается в тебе что-то такое, особенная способность слышать и видеть... А временами страшно становится – вдруг эта музыка пропадет? Вдруг эта любовь – не навсегда? Однажды проснешься утром – а ее и след простыл...

Варя как-то сказала об этом Максу, а он посмеялся в ответ – экая, мол, ты у меня романтическая...

Так и прожили все студенческое время, ни о чем не задумываясь. Даже то обстоятельство, что родители Макса так и не захотели с ней познакомиться, особо ее не волновало. Ну, сегодня не захотели, значит, завтра захотят... И вообще, они очень занятые люди, и всему свое время...

Дипломы они с Максом получили в один год. Макс должен был пойти работать к отцу, теплое местечко уже было для него приготовлено. Хотя и не торопился, наслаждался

ся остатками вольной жизни. А Варя приступила к поискам рабочего места, и первые же попытки его найти очень ее разочаровали – как оказалось, никто и нигде не ждет свежеспеченного историка с университетским дипломом. Ольга, узнав о ее неудачах с трудоустройством, только всплеснула руками:

– Господи, да это ж я во всем виновата, вовремя не подумала! Это я все проворонила, да! Надо было что-то конкретное выбирать, чтобы на всю жизнь ремесло в руках было! И мама мне так наказывала, чтобы именно ремесло... Чтобы конкретное что-то, всегда востребованное!

– Но я так хотела на истфак, Оль...

– Да, ты хотела! Да разве можно в нашем с тобой положении одними хотелками жить? И я тоже хороша... Надо было тогда на своем настоять... А теперь что? Теперь только в школу, на тяжкий учительский хлеб...

– Ну и в школу пойду, и что!

– Ты? В школу? Да ты на себя посмотри – какая из тебя учительница? Да тебя за парту посади, и никто от старшеклассницы не отличит! И вообще, ты вся такая разнеженная, такая ухоженная стала... Разбаловалась от сытой жизни, вот что я тебе скажу! Макс ничего для тебя не жалеет, да! Хорошо ему не жалеть – на родительские-то денежки... А только замуж звать пока что-то не тропится, я смотрю... А вдруг он вообще жениться на тебе не собирается, а?

– Ну и пусть... – храбро заявила Варя. – Нам и так хорошо,

без штампа в паспорте. И вообще, мы не об этом с тобой говорили, а о работе...

– А что о работе?

– Ну, что я в школе могу...

– А вот ты попробуй сначала учительский хлеб на вкус, потом говори!

– Вот и попробую!

– Вот и попробуй! Потом и поговорим, что к чему...

Но и в школу Варя не смогла устроиться. Не брали. Глядели на нее подозрительно и объясняли осторожно – вы молодая, мол, возьмете да в декрет соберетесь, и где мы посреди учебного года другого историка найдем? Варя краснела и улыбалась растерянно – какой декрет, что вы... Я еще и замуж не вышла... На что получала вполне резонный ответ, что для деторождения нынче это самое замужество и вовсе не играет никакой роли... Она снова уверяла, что не пойдет в декрет, и снова ей не верили. Может, потому и не верили, что видели в ее глазах ту самую возможность декрета, ведь она ждала от Макса предложения руки и сердца. Ждала со дня на день, хоть и убеждала себя, что вовсе ничего такого ей и не надо... Но зачем себя обманывать? Это Ольге можно смело заявить, что не нужен ей штамп в паспорте, хотя и не в самом штампе дело. Просто время для ожидания предложения подошло, наверное. Как-то связалось все в один клубок с получением дипломов, с наступлением взрослой и самостоятельной жизни...

Вот, дождалась. В одно прекрасное утро. Когда вышла из ванной с тюрбаном из полотенца на голове. Счастливая до одурения после ночи с любимым.

... – Нам нужно расстаться, Варь... Если хочешь, я первым соберу вещи и уеду, а ты можешь здесь пока пожить. Квартира до конца месяца оплачена.

– Ну почему, Макс, почему...

Она прекрасно понимала, что хватит цепляться за эти несчастные «почему», что это унинительно, в конце концов... Почему, почему! Да потому! Потому что сыночку богатых родителей было удобнее свое студенчество прожить не с папой и мамой, а с покладистой и влюбленной девушкой! Не по разным же всяким девицам ему бегать, это опасно, в конце концов! А так... А так все хорошо – и родителям спокойнее, и сыночку комфортно, и бедная влюбленная девица на всем готовом живет, материальной беды не знает! Но всему когда-то приходит конец...

Господи, почему она обо всем этом раньше не думала? Да потому, что влюблена была! А влюбленная женщина все видит в удобном для себя свете, на все может сама себя уговорить! И даже увидеть то, чего нет на самом деле...

– Нет, я первая уйду, Макс, – заявила Варя. С замиранием сердца ожидая, что ее будут останавливать, уговаривать... – Я сейчас вещи соберу и уйду.

– Договорились! – охотно кивнул Максим. – Тогда я не стану тебе мешать... Сейчас допью кофе и убегу. Ключи ки-

нешь в почтовый ящик, ладно?

– Хорошо.

– Не обижайся на меня, Варь... Ну так родители решили, что хватит... Ничего не поделаешь, я ведь от них зависим, сама понимаешь...

– Да, я понимаю, – из самых своих последних сил Варя «держала лицо», но на самом деле ей очень хотелось сейчас выть в голос. – Вернее, не понимаю. Мне казалось, ты взрослый человек.

– Взрослый. Но зависимый. Я член семьи. Это святая зависимость, Варь. Я же единственный наследник в семье. Я должен с этим считаться, семейный бизнес обязывает. Да что я снова тебе все объясняю... Я связан условиями, и я обещал...

– Что ты кому обещал?

– Отцу обещал.

– Он тебе нашел выгодную партию, да? Завидную невесту нашел, да? Которая впишется в семейный бизнес?

Максим дернулся слегка, потом быстро отвернулся к окну. По его напряженной спине Варя поняла, что попала в точку. Тем более голос у него вдруг прозвучал с такой тоской, что и сомнений не осталось...

– Ты думаешь, мне легко было принимать такое решение, что ли? Конечно, мне хорошо с тобой, да... И никого мне не надо больше... Но что я мог, ничего я не мог... Прости меня, Варь, не мучай больше, а?

— Ладно, — коротко кивнула Варя, — иди, Макс. Я все поняла. Иди.

— Хорошо, — обрадованно подхватился Максим, — я пошел. И спасибо тебе за все...

Варя упреждающе выставила ладонь вперед — не надо только благодарностей, совсем уж звучит унижительно! Молча встала со стула, поплелась в комнату собирать вещи. Полотенце с головы упало ей под ноги — даже не заметила, перешагнула через него, как через тряпку. Вскоре услышала, как за Максимом захлопнулась дверь...

Сразу не смогла начать собираться, сил не было. Руки дрожали. Сознание отказывалось принимать перемену в жизни. Легла на диван лицом к стене, пролежала так до полудня, потом встала, выволокла с антресолей свой чемодан, принялась беспорядочно скидывать туда вещи. Но вскоре опомнилась — не возьмет она того, что Макс ей дарил! И шубку норковую не возьмет, и сапоги итальянские, и еще много чего... Тем более чемодан всего один. И туда аккуратно войдут те вещи, с которыми сюда пришла. Да, глупо, наверное. Но хоть так остатки поруганного достоинства сохранить, чтобы потом вспоминать не стыдно было. Хотя все равно будет стыдно и больно, чего уж там...

Ближе к вечеру Варвара явилась к сестре Ольге с чемоданом. Открыла дверь своим ключом, с порога услышала, как плещется вода в ванной. Ольга душ принимает. Вот и хорошо, будет время в себя прийти перед неприятным разгово-

ром. Села на диван в гостиной и только сейчас заплакала – до этого не могла, боль внутри не давала. Наверное, эта боль раздулась пузырем и перекрыла дорогу слезам, а теперь пузырь лопнул...

Ольга вышла из ванной, напевая что-то себе под нос и встряхивая влажными волосами, наткнулась на нее взглядом, слегка вздрогнула:

– Ой, Варь... Ты чего меня пугаешь? А я не слышала, как ты пришла...

– Да, я пришла, Оль. Насовсем пришла.

– погоди, Варь... – вместо того, чтобы удивиться, что Варя «насовсем», взволновалась Ольга, – ты плачешь, что ли? А ну быстро говори, что случилось! Тебя Максим обидел?

– Нет. Он меня за дверь выставил, Оль.

– То есть как это – за дверь? Вы что, поссорились?

– Да говорю же тебе – нет! Просто выставил, и все! Мы расстались, Оль, понимаешь? Вернее, это он со мной расстался...

– погоди, погоди... Как это – расстались? Навсегда и навеки, что ли?

– Да! Навсегда и навеки! – воскликнула Варя, и слезы потоком хлынули из ее глаз. – Он сам так решил! Вернее, родители его так решили... И он... Он не стал с ними спорить...

– Хм... И чем же ты им не угодила, что-то не пойму...

– Да не в этом дело, угодила или не угодила. Просто они считают, что я для Макса не тот вариант. Не вписываюсь

в концепцию семейного бизнеса. Наверное, они ему другую невесту нашли, которая вписывается. Да точно нашли, чего тут еще рассуждать! Вот так-то, Оль...

– Ну, знаешь! Ты тоже в какой-то степени в этом виновата, моя дорогая! За все годы так и не удосужилась с ними познакомиться!

– Так они не приглашали меня...

– Подумаешь, не приглашали ее, цаца какая! – фыркнула Ольга. – Сама бы пришла! Уцепилась бы за рукав Макса и пришла! Не убыло бы от тебя! А так... Они ведь даже не знают, какая ты есть... Конечно, они не захотели! Подумали, что ты вся из себя гордячка, если сама к ним не стремишься! А гордячек нигде не любят, это уж факт известный!

– Нет, Оль, все не так, не так... И вообще, не спрашивай меня больше, а? – взмолилась Варя. – Я так устала, думать ни о чем не могу... Я лягу, ладно? Голова очень болит...

– То есть как – ляжешь? Погоди, погоди... – начала до конца осознавать случившееся Ольга. – Это что же выходит... Ты совсем, что ли, сюда пришла?

– Ну да, совсем... – устало подтвердила Варя. – Вон чемодан в прихожей стоит... А куда мне еще идти, Оль? Мне больше некуда...

– Да ты что... Ну как же... И почему именно сейчас, Варь? Почему именно сегодня?

В голосе у Ольги было столько отчаяния, что Варя невольно сжалась, глянула на нее удивленно. Потом уточнила тихо:

– А что происходит именно сегодня и сейчас, Оль?

– Да то и происходит! Сегодня ко мне Олег должен прийти! Сегодня решающий вечер... Или сейчас, или никогда... Он должен принять решение, остается у меня или возвращается к жене... Я же сама ему такое условие поставила! Я целый день готовилась! Мне пора стол для романтического ужина накрывать! И что теперь? Как ты все это себе представляешь – в твоём присутствии? А ночью? Ты будешь над нами свечку держать, да?

Ольга захлебнулась собственным отчаянным монологом, замолчала, глядя на Варю в ожидании. Но Варя ничего не могла ей ответить – боль опять раздулась внутри пузыря, мешала соображать.

– Мне некуда идти, Оль... Ты же знаешь... – произнесла она тихо, понимая, что говорит совсем не то, чего ждет от нее Ольга.

– Иди к Юльке! Ночуй у нее! Вы же подруги!

– Я не могу к Юльке, – замотала головой Варя, – у нее родители разводятся, она и сама дома практически не живет...

– А где она живет?

– Да так, по друзьям слоняется, лишь бы домой не идти. У нее много друзей.

– Ну, еще к кому-нибудь... – предложила сестра. – К Леночке...

– Лена сейчас в Турции отдыхает.

– Ну, я не знаю... Уйди куда-нибудь! Всего на одну ночь,

Варя! Ну пойми меня, я столько лет ждала этого вечера, сегодня моя судьба решается, можешь ты это понять или нет? Ну будь человеком... Я же все для тебя делала, я жила для тебя все эти годы... Всего одна ночь, Варя! Всего одна ночь! А потом... Потом что-нибудь вместе придумаем, я с Олегом посоветуюсь... Или мы с ним будем снимать квартиру, или тебе что-то найдем... И вообще, я сейчас ни о чем больше думать не могу! У меня жизнь решается! Я и так тебе всю свою жизнь посвятила... Для себя не жила... А ты... Ну неужели я не могу рассчитывать хоть на какое-то понимание с твоей стороны, а, Варь?!

Ольга вдруг зарыдала тихо и зло, будто осознавала, что произнесла сейчас то, чего вовсе произносить не надо было и чего не произносила ни разу за все эти годы.

Варя молча поднялась с дивана, подтянула джинсы, оправила на себе футболку. Прошла мимо Ольги в прихожую, натянула кроссовки, ветровку, дернула собачку замка. И лишь когда захлопнула за собой дверь, вспомнила, что оставила в прихожей на тумбочке свою сумку. А там кошелек, там телефон... Хотя нет, пальцы тут же нащупали телефон в кармане ветровки. Но что с него толку? Все равно заряд почти на нуле...

Но не возвращаться же за сумкой, за зарядным устройством! Как говорится – уходя, уходи. Оставь сестру устраивать свою личную жизнь, если она так об этом просит.

До позднего вечера она слонялась по улицам, подняв воротник ветровки. Погода портилась на глазах, ветер нагонял в небе плотные синие тучи. К ночи стало совсем холодно, и пришлось проехать зайцем три автобусные остановки, чтобы добраться до вокзала...

* * *

– ...Ну так чего? Не хочешь рассказывать? – тихо переспросил Сергей Семенович и вздохнул грустно.

Варя медленно покачала головой, глядя в окно. Дождь перестал хлестать по стеклам, уступив место неуютному серому рассвету – наверное, весь день будет холодный и сырой. Впрочем, для конца августа нормально – не стоит больше ждать ярких солнечных дней. Все когда-нибудь кончается. И жизнь тоже. Жизнь, полная надежд, счастливая и беззаботная.

– А что, идти тебе совсем некуда, дочка?

– Выходит, что некуда, Сергей Семенович...

– Может, ты преувеличиваешь беду-то? По молодости каждая обида огромной бедой представляется, которую преодолеть невозможно. Может, тебя обидел кто, а ты уж нарисовала себе страшную картину? Если мамка обидела, так мамке обязательно простить надо... Поди, переживает теперь, не спит, глядит из окна в окно...

– У меня нет мамы, Сергей Семенович. Она умерла. Дав-

но. Я еще маленькая была.

– Ой ты, горе какое... Конечно, оно совсем плохо без мамы-то... А кто у тебя есть? Какие родственники?

Варя опять резко мотнула головой, давая понять, что отвечать на вопросы не хочет. Но странный дядька сделал вид, что не понял этого ее жеста, помолчал немного, снова спросил деловито:

– А чего делать умеешь? Профессия у тебя какая-никакая есть?

– Почему же – какая-никакая? – обиженно переспросила Варя. – Я недавно университет окончила, историко-архивный факультет... Я историк по специальности!

– Эвона! Историк! Да не может быть!

Сергей Семенович так обрадовался, что взмахнул руками и даже слегка подпрыгнул на стуле, и Варя просмотрела на него удивленно, пытаясь понять, чем вызвана эта бурная радость. Будто она ему сообщила, что состоит на постоянной основе в отряде космонавтов по меньшей мере.

– Что, правда историк? А это... Работаешь кем? Где нынче историки требуются?

– Да в том-то и дело, что нигде не требуются... Хотя можно, конечно, в школе работу найти... Я хотела учителем истории устроиться, но меня не взяли. Говорят, я молодая, могу посреди года в декрет уйти. Хотя какой декрет, я даже не замужем...

– Учителем истории можешь? Да ты что? – снова бурно

обрадовался Сергей Семеныч. – Так это ж здорово, Варенька, что ты учитель истории! Можно сказать, мне тебя сам бог послал!

– В каком это смысле? – недоверчиво переспросила Варя.

– Ой, господи... Да я же тебе сейчас все объясню... У меня ведь жена директором школы работает... Наше село большое, Караваево называется, и школа при нем хорошая, как полагается... А учительша истории молоденькая была, всего год проработала, а в июле заявление об уходе подала! И уехала, поминай, как звали! Вот и получается, что учебный год начинать надо, а историю вести некому! Представляешь?

– Ну, представляю, допустим... А я к этому какое имею отношение? К этому вашему... Караваеву?

– Так пока да, никакого... Так ведь это вопрос решаемый... Если тебе здесь ни с работой, ни с другими жизненными устройствами не везет, так отчего ж не попробовать, а? Села в поезд, приехала... А уж мы тебя с Инной Борисовной, как родную дочку, приветили бы! Инна Борисовна – это жена моя... Директор, стало быть, нашей школы Караваевской. Как тебе такой расклад, а?

– Да ну... – настороженно улыбнулась Варя. – Какой поезд, вы что... Да я даже в деревне никогда по-настоящему не была...

– Да не деревня у нас, ты что! Село большое! Людей много живет! Природа красивая! Тебе понравится, слово даю!

– Да где хоть оно находится, ваше Караваево?

– Так на реке Ветлуге... Поезд до Реченска довезет, а потом на «Ракете» с ветерком по Волге... Ветлуга наша аккурат в Волгу впадает, не так широка, но красотой природы не уступает. Знаешь, какие у нас леса? А рыбалка? А закаты какие? У-у-у... Ты такого отродясь не видывала, уверяю тебя! Поедем, а?

– Как это – поедем? – опешила Варя. – Что, вот так сразу поедем?

– А чего ждать? Скоро ж новый учебный год начинается! А уж как моя Инна Борисовна тебе обрадуется, этого я и высказать не могу! На руках носить будет! Ты только представь, надо учебный год начинать, а учителя истории нет как нет, даже самого завалящего на горизонте не видно. А тут ты – с университетским дипломом! Экое счастье для моей Инны Борисовны привалит!

– А вы всегда жену по имени-отчеству называете, да? – вдруг развеселилась Варя, по-новому разглядывая этого странного дядьку. – Вот так утром встаете и говорите: с добрым утром, Инна Борисовна!

– Да нет, что ты... Дома я ее Нюсей зову.

– Почему Нюсей?

– Так поначалу Иннуся звал, потом как-то само собой в Нюсю перетекло... – смущенно пробормотал Варин собеседник. – Ничего, ей нравится. Мы ведь уже больше тридцати лет вместе, душа в душу живем. Хотя поначалу она за меня замуж не шла, да... Кто я был-то? Простой парень, в сов-

хوزه работал. А она учительницей по распределению приехала, раньше ведь так было... Окончил институт – три года отработай, куда родина пошлет, не греши. Вот и мою Нюсю отправили после института в Караваево... Сначала она фыркала да денечки считала, когда эти три года закончатся, а потом ничего, прижилась... И замуж за меня пошла. Где еще других-то женихов сыскать, так можно и в старых девах остаться! Ну а я уж расстарался, чтобы ей по-всякому угодить... И сейчас, почитай, угождаю. Находятся такие, что и подсмеиваются надо мной – подкаблучник, мол, – а мне нравится этот наш семейный матриархат, честно тебе говорю, душой не кривлю... Оттого и живем душа в душу, что каждый на себя одеяло не тянет. Зачем мне то одеяло сдавалось? Мне надо, чтобы Нюсе моей тепло было... А если ей тепло, то и мне не холодно. Любовь-то посильнее душу греет, чем одеяло... Ну вот, разговорился не к месту, а дело наше с места не сдвинулось! Так что, едешь к нам в Караваево, а?

– Ой, я не знаю... – совершенно растерялась Варя. – Все это неожиданно как-то... И вообще... Где я там жить буду?

– Так у нас в доме и будешь... У нас дом-то на две половины разделен, мы сына хотели отделить, чтобы, когда женился, своей семьей жил. А он, вишь, осел в своем Лазаревском, и ни ногой... Решил на югах обосноваться... Вот и поживешь в другой половине, и даже денег с тебя не возьмем... Ну сама подумай, отчего тебе не попробовать другой жизни? Какие резоны тебе отказываться?

– Да, вы правы, пожалуй... – закивала Варя. – Особых резонов нет... Да и вообще никаких нет...

– Ну, вот и славно! А уж как моя Инна Борисовна обрадуется, как обрадуется! Ничего, тебе понравится, вот увидишь! Красота у нас такая, что самой уезжать не захочется! Правда, от областного центра все же далековато, но ничего, доехать можно... Сначала по Ветлуге, потом по Волге... Летишь на «Ракете», глаз радуется!

– Но ведь вы меня не знаете совсем... И вообще... Вдруг я вашей Инне Борисовне не понравлюсь?

– Да отчего ж ты ей не понравишься? Глупостей-то не говори! Вот скажи мне – ты в судьбу веришь или нет?

– Это в смысле ее фатальности, что ли? Неизбежности?

– Ну да...

– А не знаю, верю или нет, – честно призналась Варя. – У меня еще никакой судьбы толком и не сложилось. Если не считать... Ну да ладно, это неважно... А вы что, в судьбу верите, да?

– Конечно, верю. Не зря же судьба меня за тобой вдогонку под дождь выгнала. Видать, посыл у нее такой был – беги, говорит, за этой девчонкой, и тебе хорошо будет, и ей... А оно вишь, так и устроилось! Ты как раз той самой учительшей и оказалась, которую моя Нюся днем с огнем ищет! И тебе, стало быть, надо в Караваево ехать, и тебя твоя судьба там поджидает... Ну что, договорились? Или еще уговаривать надобно?

Несколько секунд медлила Варя. А потом сказала:

– Ладно, Сергей Семенович. Уговорили. Наверное, это и впрямь для меня сейчас выход – уехать подальше от всего... Забыть все... И всех...

– Так что, может, сразу со мной? Не откладывая в долгий ящик?

– Нет, что вы... У меня и документов с собой нет! Я потом приеду!

– А вдруг обманешь да передумаешь?

– Нет, я не передумаю, Сергей Семенович. Я точно приеду.

– Когда?

– Когда? А завтрашним поездом и приеду...

– Так, может, тебе билет взять?

– Да, спасибо... У меня пока денег своих нет... А я вам верну потом, ладно?

– Ой, да какие счета... Разберемся со временем! А на какой поезд билет брать? На дневной?

– Нет, я же ничего не успею... Тем более документы у меня не дома, а в школе, где мне в последний раз отказали. Я так расстроилась, что и документы забыла забрать! Нет, на дневной точно не успею!

– Ну да, ну да... Тебе же еще вещи собрать надо...

– А вот вещи собирать как раз и не надо! Вещи уже собраны... Так уж получилось... Взяла чемодан да пошла...

Варя вздохнула коротко и прикусила губу, снова отвер-

нувшись к окну. Потому что плакать сейчас нельзя, уж точно не к месту и не ко времени. Тем более Сергей Семенович опять с расспросами пристанет...

– Тогда на какой поезд-то? Вот на этот, на шесть утра? Суток тебе хватит, чтобы все дела переделать?

– Да, суток мне вполне хватит.

– Тогда пойдем скоренько в кассу... Вон как время быстро пролетело, за окном светло уже! Как бы мне и на этот поезд не опоздать... Да, вот еще что! Телефон мой запиши, я тебя встречу!

– Да у меня батарея села, не могу...

– Так на бумажке номер запиши! Есть чем записать-то?

– Нет... У меня вообще ничего с собой нет.

– Экая ты недотепа... Ладно, я сам запишу... И твой телефон тоже запишу, вдруг потеряешься...

Сергей Семенович похлопал себя по карманам, потом крикнул пробегающей мимо официантке:

– Милая, у тебя листочка бумаги с карандашиком не найдется? Найдется, да? Ну, спасибо, неси давай... Да побыстрее, а то мы опаздываем...

Потом они быстро прошагали через привокзальную площадь, поеживаясь от утреннего сырого холода, и Сергей Семенович купил Варе билет в кассе. Она продиктовала паспортные данные – и ей поверили...

Потом почти бежали на перрон к поезду, и Сергей Семенович торопливо говорил Варе, задыхаясь:

– Позвони обязательно, я тебя встречу! Или свояка попрошу встретить, если сам не смогу... Он тебя до пристани довезет, на «Ракету» посадит... А там еще три часа – и ты в Караваеве... И я тут как тут, на пристани жду... И Нюся моя... То есть Инна Борисовна... Позвони! Я ждать буду, поняла?

Когда поезд тронулся, Варя еще немного прошла по его ходу, цепляясь глазами за лицо Сергея Семеновича. А он все крутил пальцем вокруг носа да прикладывал к уху ладонь – позвони, мол... Обязательно позвони...

* * *

Выйдя с вокзала, Варя решила съездить на кладбище, навестить родителей. Если уедет – когда еще придется?

Дождь совсем перестал, хотя по-прежнему было зябко. Но если идти быстрым шагом, согреться можно. Тем более остановка автобуса, который должен был отвезти ее на кладбище, находилась довольно далеко от вокзала.

Уже садясь в автобус, Варя спохватилась – денег даже на проезд нет! Как же она сразу не сообразила? Но деваться было некуда, водитель уже тронулся с места и закрыл двери. Варя села у окна, вздохнула горько – будь что будет... Если высадут – не судьба, значит, к родителям съездить. А пешком далеко, очень далеко, на другой конец города... Хотя и после можно съездить, целый день в запасе есть.

Сурового вида тетка-кондуктор подошла, попросила дежурно-вежливо:

– Оплатите проезд, девушка.

Варя глянула ей в лицо, улыбнулась жалко:

– Вы знаете, а у меня денег нет... Так уж получилось, простите...

– Да чего мне вас прощать или не прощать? На следующей остановке прошу на выход, вот и все прощение.

– Ладно, я выйду... – покорно произнесла Варя, опустив голову.

Наверное, слишком много безнадеги-покорности было в Варином голосе, и тетка глянула на нее уже по-другому, с любопытным сочувствием. Потом спросила тихо:

– Далеко тебе ехать-то?

– Далеко. До конечной.

– На кладбище, стало быть?

– Ага...

– Ладно, езжай. Все равно народу мало, твой билет кассы не сделает. Это мы обратно полными едем, а в сторону кладбища – желающих мало, – хохотнула она коротко, сама удивившись своей нечаянной аллегории: – Живые к живым торопятся, это понятно...

Варя улыбнулась, качнула головой, будто подтвердила – да, живые к живым. И тут же отвернулась к окну, испугавшись, что тетка от безделья начнет приставать с расспросами – кто, мол, там у тебя похоронен, да когда...

За окном бежал серый, продрогший, не желающий просыпаться утренний город. Хорошо в такую погоду вообще никуда не торопиться и не вылезать из теплой постели, а лежать себе тихонько да посапывать в подушку. Даже если проснешься – все равно лежать. И думать: как хорошо, что не надо никуда торопиться... Даже если и надо, но всегда ведь можно себя уговорить, правда? Жизнь ведь все равно мимо не пройдет...

Наверное, она все-таки неприспособленная к жизни, ужасно инфантильная девчонка, если так рассуждает. Все еще из вольной студенческой жизни вылупиться не может, когда позволительно было на лекцию опоздать, а то и вообще целый учебный день пропустить. Но ведь студенческая жизнь закончилась, пора убить в себе легкомыслие. Надо к другой жизни привыкать, взрослой, когда от звонка утреннего будильника под одеялом не спрячешься, хочешь не хочешь, а вставай и иди, зарабатывай свой хлеб. Тем более учительский хлеб не самый легкий. Да еще в каком-то там Караваеве...

Может, зря она согласилась туда поехать? Стоило ли пять лет ходить в университет, сдавать экзамены, писать дипломную работу на тему «Теория официальной народности и особенности ее воплощения в культурной политике императора Николая Первого»? И все это – для работы учителем истории в каком-то там Караваеве?!

Но если уж быть до конца честной перед самой собой, ведь

о будущей трудовой деятельности она вообще не думала, пока училась. Не думалось как-то. Хорошо было жить за спиной Макса, в комфорте и удобстве. Нет, нет, не это главное... Главное – любовь... Она любила его честно и самозабвенно и полностью ему доверилась, и казалось, так будет всегда... А оно вон как обернулось. Перспективой учительства в Караваяеве. Так что бери, что бог послал, и не ропщи... Хорошо, хоть это послал...

На глаза навернулись слезы, и она смахнула их сердито ладонями, шмыгнула носом. Сама виновата, чего реветь-то теперь. Копни-ка поглубже, сама все увидишь! Ты безгранично верила Максусу всего лишь потому, что тебе самой хотелось верить именно так – безгранично. А от сомнений ты отмахивалась, да. Понимала, что родители Максика считают тебя «не парой», и придумывала этому обстоятельству удобные объяснения. Видела, что Макс избалован и эгоистичен, и твердила себе – люблю, люблю... Как будто за этим «люблю» от правды жизни скроешься! Еще и придумывала себе Максима как благородного принца, который полюбил бедную Золушку... Но ведь Золушку-то он как раз и не полюбил, а полюбил обманно нежную барышню в хрустальных туфельках! То есть туфельки уже являются знаком принадлежности к другому обществу! Как ни крути, а даже в сказке все расставлено по своим местам... И ты тоже – знай свое место... В селе Караваяеве, что на реке Ветлуге. А здесь тебе места нет, нигде нет...

Она снова смахнула слезы, прикусила губу. Проходящая мимо кондукторша глянула на нее сочувственно, вздохнула тяжело. Жалостливая тетка оказалась. На чужие слезы реагирует.

Автобус выехал на окраину города, развернулся на пяточке конечной остановки. Варя встала со своего места, направилась к выходу.

– Погоди-ка, девушка... – взяв за плечо, развернула ее к себе кондукторша, дыхнув в лицо луковым перегаром. – Ты это, ты с кладбища-то особо не торопись...

– В смысле? – испуганно округлила глаза Варя.

– Фу-ты, не то сказала, язык мой дурной! Я хотела сказать, что через полтора часа мы круг сделаем да снова тут будем... Вот ты и подгадывай, чтоб с нами обратно ехать, стало быть... Другой-то кондуктор без денег тебя ни за просьбы, ни за слезы не отвезет, а я отвезу... Поняла, сердешная моя?

– Да, поняла... Я подгадаю. Спасибо вам.

– Да ладно, чего уж... Иди давай...

На кладбище об эту пору было пусто. И жутковато немного. Утренний туман висел ключьями меж мокрых деревьев, вороны каркали так громко, будто упрекали Варю за неурочное появление. Таким ранним утром! Одна! Всю стаю перебудила! Ужо мы тебя сейчас пристыдим вороньим недовольством!

Варя подумала вдруг, что и впрямь никогда не приезжала

сюда одна... Всегда только вместе с Ольгой. Но не разворачиваться же обратно, тем более автобус уже ушел... И вообще, что за детские страхи, ворон испугалась! Взрослеть пора! Нашла, чего бояться!

Могилу родителей она нашла быстро, присела на низенькую скамеечку около памятника, всмотрелась в лица на фотографиях. У папы лицо виноватое, а у мамы – слегка удивленное. Чтобы развеять мамино испуганное удивление, забормотала тихо, глотая слезы:

– Да все хорошо, мам, правда... Ольга просто занята очень, и я одна решила приехать. Я потом долго не приеду, наверное. Работать буду. Место хорошее для меня нашлось, учителем истории в школе. Правда, не здесь, а в селе Караваеве... Да, это далеко, конечно, я понимаю... Но зато там природа хорошая, свежий воздух... Помнишь, как на нашей даче? Как там хорошо было... Лес, речка рядом...

Варя осеклась на полуслове – папе неприятно, наверное, про дачу слушать. Ее ж потом продать пришлось. И вообще... Не затем приехала, чтобы родителей огорчать.

– А у Оли тоже все хорошо, да... Кажется, личная жизнь налаживается... Она ведь ее заслужила, правда? Вон как много мной занималась, и не до того было... Работала, училась. Оля честно свой долг выполнила, мам, ты не думай. У меня все хорошо. И будет все хорошо, я тебе обещаю. И ничего, что так далеко это Караваево... Просто мне самой пора начинать жить, понимаешь? Самой. Ни на кого не опи-

раясь. Как там говорится? Не верь, не бойся, не проси... Надо свою собственную жизнь писать, с чистого листа...

Варя и сама удивлялась тому, что говорила. По крайней мере, никаких мыслей про «чистый лист» до этой минуты в голове не было. А тут – нате вам, вылезло из подсознания...

Значит, не зря вылезло. Значит, так тому и быть. С чистого листа. Наверное, Сергей Семенович прав, утверждая, что каждая судьба заранее давно расписана, и ее судьба должна продолжиться в этом Караваеве. Ничего так просто у судьбы не бывает...

С кладбища она вышла успокоенная и собранная, встала на остановке в ожидании автобуса. Показалось, даже небо посветлело и вот-вот прорвется серая хмарь, выпуская на волю солнце. Вот и автобус весело подкатил – тот же самый, с доброй кондукторшей...

– Что, полегчало? – встретила она ее улыбкой. – Навестила, кого хотела?

– Да, навестила... И полегчало... – согласно кивнула головой Варя.

– А то! Я вот завсегда, когда к покойному мужу на кладбище схожу, живу легче... Поплачу у него там, печаль свою выпущу и живу дальше. Они ж там, на том свете, переживают за нас, подбадривают, как могут. А у тебя кто там, на кладбище-то?

– Папа и мама...

– У-у-у... Сиротинушка, значит?

– Почему? У меня старшая сестра есть.

– Ну, так то сестра... Сестринская любовь – не материнская. Мать просто так любит, а сестра в охотку. Сегодня любит, а завтра – извини-подвинься. Знаем мы таких сестер, на своей шкуре испытано...

Варя хотела было возразить, но автобус распахнул дверь, с остановки ввалилась толпа пассажиров, и кондукторша принялась шнырять взглядом, считая всех по головам. И тут же забыла о ней. Разговоры разговорами, а касса – в первую очередь.

На нужной остановке Варя встала, подошла к двери, отыскала взглядом кондукторшу, улыбнулась еще раз благодарно. Та тоже коротко улыбнулась, махнув рукой, – счастливо тебе, мол...

Хорошо, что есть на свете добрые кондукторши. Главное, чтобы попадались к месту и ко времени, как добрый знак. Тоже судьба, наверное.

Варя вышла из автобуса, бодро зашагала в сторону школы, где давеча ей отказали в трудоустройстве, и она так огорчилась, что забыла забрать документы. Когда это было? Всего лишь позавчера... Хотела на другой день забрать, да не до того было после утреннего разговора с Максом.

Пройдя в приемную директора, она спросила у секретарши:

– Я позавчера документы свои оставила... Можно за-

брать?

– Ой... А вы Кострова? Варвара Дмитриевна?

– Да... а в чем дело?

– Так ваши документы у директора... Он вчера их после обеда забрал.

– Зачем? Мне же отказали.

– Так он вроде как передумал... Мне задание давал, чтобы я до вас дозвонилась, но телефон все время недоступен был... Да вы подождите, Михаил Александрович скоро придет! Он звонил с дороги, в пробке застрял!

– Нет, я подожду, конечно... Только я не понимаю...

– А чего тут не понимать? Берет он вас, берет! Учителем истории! Вы ж хотели! И что теперь изменилось? Радоваться надо, а вы переспрашиваете...

Варя в растерянности развела руками, не зная, что ответить. За спиной у нее открылась дверь, и директор быстро прошел мимо нее к двери своего кабинета, бросив на ходу:

– А, Кострова... Доброе утро... Заходите, заходите, я вас жду со вчерашнего дня...

Варя прошла вслед за ним, села около стола на краешек стула. Директор достал из ящика стола ее документы, пробежал по ним беглым взглядом. Потом вздохнул и проговорил, будто нехотя, будто совсем не планировал это говорить:

– Значит так, Кострова. Я вас беру. Но учтите, с нового года у вас еще будет классное руководство в восьмом «а», класс трудный, самый опасный и охочий до всяких гадостей

возраст... Точное количество учебных часов мы потом с вами обсудим, расписание еще не утверждено. А сейчас идите, оформляйтесь, у меня на сегодня и без вас много дел...

Варя поначалу растерялась и даже встала со стула, но потом опомнилась и снова села, глядя во все глаза на директора. На принятие решения, по всей видимости, времени не было. Мешала волна нетерпеливого недовольства, исходящая от Михаила Александровича. Наверное, это было что-то личное, к ней не имеющее отношения, но все равно... Неприятно было. Задевало как-то.

– Ну что еще, Кострова, что? У вас какие-то вопросы ко мне есть? Потом обсудим, в рабочем порядке! Идите уже, Кострова!

– Послушайте, Михаил Александрович... А почему вы так со мной разговариваете?

– Как?! Как я с вами разговариваю?

– Ну, не знаю... Будто я не учитель, а десятиклассница, по меньшей мере...

– Так вы и похожи на десятиклассницу, Кострова! Уж не сочтите мои слова за комплимент! И во что я таким образом школу превращаю, а? В сплошной детский сад. Недавно учителя математики такого же принял – совсем пацан!

– Ну, это не так страшно, что вы... Этот недостаток исправляется с годами, Михаил Александрович! Сам по себе исправляется!

– Вы что со мной, кокетничаете, что ли?

– Да ни боже мой! Я нормально с вами разговариваю, а вы почему-то хамите! И слова сказать не даете!

– А мне некогда вас выслушивать, Кострова! Идите оформляйтесь!

– Погодите, но...

– Что – но? Какие еще могут быть но? Вы же хотели работать в нашей школе? Вот и работайте! Что, что еще?

– А позавчера... Почему вы позавчера мне отказали?

– Да потому... Потому что вчера утром учительница истории из отпуска вышла... И не просто так вышла, а в интересном положении, о чем и сообщила мне с радостью. То есть с нового года она явно в декрет уйдет, если не раньше. Так что считайте, что вам повезло!

– Михаил Александрович, мне очень жаль, но...

Варя задумалась на секунду, вдохнув в себя воздух. Как перед прыжком в холодную воду – то ли прыгать, то ли вообще не прыгать... А может, и впрямь лучше не прыгать, а поблагодарить да бежать в отдел кадров, чтобы оформить... Подумаешь, директор хамит, а где лучшего-то найдешь? Они ведь, наверное, все такие, школьными буднями издерганные. И вообще, здесь родной город, а не какое-нибудь неизвестное село Караваево...

– Ну? Чего вам жаль-то, Кострова, не понял? – снова раздраженно заговорил Михаил Александрович, быстро глянув на часы. – Мне в администрацию еще ехать, хотелось бы кофе успеть попить...

Варя глянула на него, не решаясь ответить. В один миг пронеслись в голове события прожитых суток, и лицо Ольги, искаженное досадой от ее появления, и лицо Сергея Семёновича, доброе и почти умоляющее... И она решилась наконец, произнесла твердо:

– Я не смогу у вас работать, Михаил Александрович. Извините. Я забираю свои документы.

– Не можете? А почему? Что-то случилось за это время?

– Ничего не случилось. Просто я нашла другую работу.

– Где? В школе?

– Да, в школе.

– В какой? – спросил он почти требовательно, даже с некоторой ноткой ревности в голосе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.